

Юлия Зубок: «Мы меняемся. Вопрос в темпах»

Михаил Вяткин,
Владимир Касютин

Наш гость — Юлия Альбертовна Зубок — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи института социально-политических исследований Российской академии наук

п у б л и к у е т с я в с о к р а щ е н и и

Юлия Альбертовна, чем нынешняя молодёжь отличается от молодёжи конца девяностых: смысл жизни, ценности, отношение к власти?

Каждое поколение отличается от предыдущего, но и повторяет его. О том, как это происходит, мы можем делать выводы, благодаря мониторингу, начатому как раз начале 1990-х, когда удалось исследовать последнее поколение молодежи, выросшей в советское время.

С тех пор молодежь менялась вместе со страной. Изменялись ее статусные и жизненные позиции. Она дифференцировалась по экономическим и региональным основаниям. Стали отчетливо видны несовпадения потребностей, интересов и ценностей разных групп в составе молодежи, их отношение к реальности, стратегии жизненного выбора, способы интеграции в общество.

Один из главных выводов связан с ускоренным ростом различий в среде молодежи на фоне роста продолжительности социальной и профессиональной активности поколений.

СТРУКТУРА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СЕГОДНЯШНЕЙ МОЛОДЕЖИ

- *любовь (58%)*
- *спокойная безбедная жизнь (42,2%)*
- *проявление индивидуальности (самореализация) (37,1%)*
- *продолжение себя в будущих поколениях (31,5%),*
- *стремление к истине (27,6%)*
- *борьба за справедливость (21%)*
- *политическая борьба за власть (4%)*

В любом обществе в каждый момент его существования живут и взаимодействуют несколько поколенческих групп. И каждая со своим опытом и жизненными установками. В современных условиях таких поколенческих групп становится еще больше. Новые технологии, способы коммуникации, средства организации жизни - все это приводит к пересмотру привычных смыслов и практик. Люди иначе строят свою жизнь, даже, если сохраняют прежние ценности.

Наиболее заметно различаются ценностные представления под влиянием конфессий и типов поселения. Если ценности православной молодежи не отличаются от общего распределения, то среди исповедующих ислам ниже интерес к самореализации и проявлению индивидуальности. Среди мусульман повышаются значения таких смыслов, как продолжение себя в детях, стремление к истине.

Жители крупных городов и областных центров более чувствительны к отстаиванию справедливости. Но самые яркие отличия среди проживающих в районных (малых) городах, в селах и деревнях. Ценность спокойной, безбедной жизни для них менее важна, чем самореализация (в малых городах) и стремление к истине (в селах и деревнях).

Вообще, можно сказать, что самореализация — это «новая религия» для значительной части молодежи, причем той части, которая имеет для этого совсем мало возможностей. И у самой маргинализованной, самой обездоленной молодежи, которой являются жители села, это еще и подогревается поиском истины. Довольно тревожная, взрывоопасная ситуация, учитывая то, что условия их жизнь становятся только хуже, жизнь родителей тоже осложняется, а напряженность растет.

Сегодня имеются, как минимум три поколенческие группы: условно говоря, молодёжь, условно говоря, их родители и так же условно их бабушки-дедушки. На старшее поколение мы еще помолимся, скажем им спасибо за то, что они сохраняют многие образцы, усвоенные ещё в советское время, то есть в советской системе социализации.

Они нам демонстрируют уникальную способность переносить прежние образы реальности в новые условия, когда практически рассыпается принцип,

что бытие определяет сознание. Всегда ли изменение бытия моментально отражается на изменении сознания? Нет, не всегда. То есть изменение сознания — это вещь инерционная, долгоиграющая. Когда мы анализируем сознание людей, из разных поколенческих групп, обнаруживаем на уровне механизма этот феномен — разные пласты сознания. Есть базовый уровень, который обусловлен историческим опытом, культурой народов, частью которой эти люди являются. И не важно, какого они возраста. А есть вещи актуальные, которые условно можно назвать результатом ситуативного опыта — взаимодействие с какими-то социальными институтами, с социальными группами, столкновением с какими-то конкретными социальными явлениями.

И вот когда мы этот базовый уровень анализируем, обнаруживаем, что он страшно инерционен. То есть здесь уже действуют архетипы. Это — коллективное бессознательное, и не надо пугаться понятия «бессознательное». Потому что всё, что бессознательное, оно в конечном счёте может вытаскиваться наружу, и на уровне стереотипной аргументации, но тем не менее подкрепляться некими убеждениями, что это — именно, вот так.

Предположим, тот же самый архетип власти: централизованная, иерархичная, во главе — сильный лидер, у которого соединяются позиции и верховного, духовного идола, и политика, то, что идёт у нас от взаимодействия церкви и власти и прочая, и прочая. Это сегодня удивительным образом воспроизводится во всех социальных группах.

Но в 1990-х стремились выстроить совсем другую систему?

Это пытались выстроить группы, так называемые «advance», которые заняли позиции новой политической элиты, а народ ответил сопротивлением.

Мы видим сегодня в политических взаимодействиях, в политической практике то, что до боли напоминает образцы прошедшей эпохи. Это — габитус. Довольно-таки сложная структура. Архетипические вещи, идущие от коллективного бессознательного, которые не рефлексированы, которые, может быть, не осмысливаются, но они входят в систему установок. Человек может определенным образом реагировать на окружающую действительность, до конца не понимая, почему ему одно нравится, а другое — не нравится. Но над архетипами выстраивается еще много чего. Выделяется уровень менталитета. В менталитете взаимодействуют не только бессознательные, но и осознаваемые элементы. Вместе они придают своеобразие социальному характеру, по которому мы отличаем одни народы от других, одни культуры от других. Вместе с тем, они, хотя и осознаваемые, но достаточно упрощенные, стереотипные. В ментальных чертах мы найдем и черты межкультурного обмена, и влияния климата на людей, из чего вырастают определенные практики жизнедеятельности. Вот одна из наших характерных черт, описанная еще русскими философами XIX века — дождаться последней ночи, а в последнюю ночь сделать рывок. Жизнь в режиме аврала — разве не является кармой современных организаций? Ключевский очень хорошо заметил: «Ни один народ в мире не может напрягаться так, как напрягается русский народ».

Получается, поколения молодёжи похожи, ничего не меняется?

Мы изменяемся, но вопрос в темпах. Возвращаясь к тому, что было в 1990-е годы, мы видим — насколько эти вещи не меняются. Меняется более высокий уровень, такая пеночка. Пеночка в виде стереотипов, упрощённых образов реальности. В молодёжной среде один из легко узнаваемых габитусов — это формальное участие. С одной стороны, растёт активизм и вовлечённость в экологические движения, благотворительность, но вместе с тем сохраняется ритуализм, знакомый более старшим группам по поздней советской практике, и встраивается в практики симуляции, имитации

как проявление рационального отношения молодежи к жизни.

Как бы нужен диплом — они как бы учатся; как им платят зарплату — они как бы работают; как бы есть выборы, они как бы на них ходят, но чаще нет и не на все. Происходит обмен некими символами. А настоящее замыкается в пространстве межличностных отношений (любовь, семья, друзья), свободное время, досуг, отдых.

Изменения есть, и мы видим, что эти изменения происходят, в первую очередь, в молодёжной среде. Когда мы анализируем отношение к власти в старших возрастных группах и в молодом поколении, мы видим, что традиционный образ власти *утончается* именно среди молодых.

То есть изменения идут, и тут мы не открываем Америку, именно за счёт смены поколений. Это процесс абсолютно неизбежный.

Во-первых, не бывает так, чтобы одни практики моментально вытеснились другими. Они сосуществуют, конкурируют, испытываются, корректируются и только потом становятся рутинной, а может и новой традицией.

Во-вторых, новые смыслы и практики могут встраиваться друг в друга и будет нечто среднее между тем, что традиционно существовало и тем, что привнесено современностью и глобализацией. При этом мы можем не узнать в получившемся ни изначальный образец, ни тот, к которому стремились.

В-третьих, не одинаков темп изменений в разных социальных группах. Есть несколько разных темпов с разным соотношением традиционного и современного.

Поэтому для сознания нынешней молодежи характерна гибридизация. Можно попытаться выделить рафинированные группы приверженцев традиционного, или современного, но в массе своей мы встречаем их всевозможные миксы.

Есть ли исследования, которые показывают, как молодёжь относится к людям, которые старше их на одно или два поколения? В региональных и муниципальных СМИ регулярно публикуются материалы о молодёжи. Но, как правило, они написаны

взрослыми с консервативных, дидактических позиций. Порой кажется, что не молодым людям надо меняться с ориентацией на взрослых, а старшим поколениям надо самим меняться, с ориентацией на молодёжь.

То, что вы спрашиваете, имеет прямое отношение к понятию толерантности. Толерантность принятия, приятия. Готовность дать возможность другим проявить какие-то непохожие вещи и т.д. Конечно, с этих позиций старшее поколение у нас ужасно не толерантное. Я объясняю это тем, что старшее поколение привыкло жить в условиях классовой борьбы. Они сшиты под это. У них как бы добродетель постоянной борьбы, жёсткое отстаивание своих мнений, такая большевистская закуска.

Но вот что интересно, такая же большевистская закуска чувствуется и в поколении 30–40-летних. Обычно считается, что наиболее экстремальная группа — это самые юные: сама их позиция,

ещё не сформированные жизненные ориентиры, маргинальный статус, который провоцируют экстремальность и склонность к крайностям. Это всё так. Но наши недавние исследования показали, что эти признаки присущи еще и 30–40-летним. Повспоминайте своих коллег этого возраста, обратите внимание, как зашкаливает у них уровень экстремальности. Эта группа более агрессивна, чем все остальные.

А совсем юные, не зря их называют «снежинками», они ещё всех любят, порхают, они — непуганые. Если посмотреть с позиций родители — дети, это поколение — залюблено.

Самое старшее поколение очень критично относится ко всему тому, что идёт за ними. И совершенно справедливо, им действительно есть за что ругать тех, кто младше. Такое неприятие распространяется у старшего поколения и на своих детей.

Нынешние родители строят отношения со своими детьми гораздо более доверительно и дружелюбно. Среднее поколение усвоило такое новое понимание благодаря целому пулу психологов, которые бесконечно рассказывают, что значит быть хорошим родителем.

У исследователей появился термин «интенсивное родительство», отражающий вездесущность родительского внимания, их участие в построении любых жизненных стратегий. Нынешнее молодое поколение имеет больше общего со своими родителями, чем их родители имели со своими родителями. Современные дети, несмотря на отвязность, которая так не нравится старшему поколению, или эмансипацию, независимость, поприание авторитетов, на самом деле ужасно послушные. Мир ещё не видал таких послушных детей.

Поколение 50+ — вот кто взрывает все стереотипы. Они жили достаточно «О кей», хотя и со всеми их сложностями и кризисами, и т.д. Но это поколение, которое не выработалось физически, которое усвоило стандарты современной моды, красоты и которое невротично старается свою молодость сохранить. И правда, они очень хорошо выглядят, у них есть габитус ухода за собой. Кто-то говорит: «Я буду ходить в спортзал, пока буду хо-

дить». И это — женщины 55. Хотя в основном это — женщины. В прежние времена это были уже пенсионерки. Но даже до всех наших пенсионных реформ было понятно, что это уже не будут такие же бабушки, как раньше.

Именно они будут и учиться, и переучиваться.

Они еще будут по второму и по третьему разу создавать семьи. Они будут на фиг посылать все традиционные образцы, потому что они ими уже наелись. Им говорят, мол ты — русская бабонька и поэтому должна то-то и то-то. Она посмотрит на себя в зеркало — батюшки, так я ещё ничего.

Как в Европе?

Там это всё мягче, у нас — скачками. У нас что ни десятилетие, то порог.

Причины в экономике?

Экономика определяет условия материальные, условия жизни. Не надо пахать огород, не надо по субботам и воскресеньям ехать сажать картошку. Это примерно то же самое, что было в Европе, когда появлялись молодёжные субкультуры, потому что стало высвобождаться время. То есть у этого поколения появилась возможность не утруждать себя, не губить. Одновременно стал пересматриваться образ жизни. Там, где возможно прокормиться и обеспечить семью без вторичной и третичной занятости, конечно, этот процесс идет активнее. Но и в среде не самых обеспеченных, приоритеты тоже меняются.

Мой исследовательский опыт показывает, что ситуацию не определяет какой-то один фактор. Можем себя тешить, вот мы нащупали бога за бороду, вот причина, из-за которой всё это случилось. Но на самом деле это всегда упрощение. Важных, определяющих факторов всегда несколько: и экономические, и социокультурные, и др. Социокультурные глубже, чем экономические. Поэтому мы и говорим об инерционности.

Экономическая ситуация дает мгновенное повышение или понижение температуры тела, а социокультурные процессы дают нам разные эрозии и язвы в глубине. Те, которые мы не видим на поверхности. Их можно обнаружить на мониторе ап-

парата УЗИ или в рентгенологическом кабинете. Экономическая ситуация, будучи подвижной, даёт моментальную реакцию: или недовольства, или воодушевления. А что касается социокультурных накоплений, здесь совершенно иная динамика.

В духовной сфере деградация накапливается медленно, постепенно, но имеет долгосрочные последствия и плохо поддается регуляции. В сравнении с изменением бытия, дух меняется медленнее, отсюда и ощущение их несоответствия — феномен, с которого мы начали разговор. Условия жизни изменились, а сознание продолжает свою линию. Возвращаясь к вопросу о факторах — всегда работает множество факторов, но какие-то из них будут ведущими, провоцирующими. И очень часто мы даже не можем до конца спрогнозировать, как будут влиять различные факторы. Общество не развивается по линейным траекториям.

В социальной ситуации может сработать и какой-то случайный фактор. А мы не умеем мерить случайные явления, мы пока не научились их моделировать.

Очень важно понять на уровне социальных механизмов, какие элементы притягиваются. Последние результаты наших исследований позволили, например, выяснить, что отношение к другому, неравнодушие и участие находятся в одной орбите с любовью к отечеству.

Еще одна интересная связь — между любовью к ближнему и правами человека. Не признание прав порождает эту самую любовь, а наоборот, любовь к ближнему конвертируется в уважение его прав. Из этого следует, что не все традиционные ценности стоит демонтировать, а рациональность далеко не всегда ведет к формированию современным ценностей.

Если бы меня попросили предельно кратко описать, что является основной спецификой сегодняшнего дня, я бы сказала — противоречие между традиционным и современным. Этот раскол, когда

продолжают воспроизводиться традиционные для российской ментальности смысложизненные категории, а люди на них реагируют. И нарастание современных смыслообразующих начал, связанных с глобальной культурной.

Рассыпались макроколлективные идентичности, люди ушли в общины. Это еще одна особенность. Мы не атомизировались совсем и полностью, но солидарности проявляются преимущественно в небольших группах. Мы перегруппировались на индивидуальном и групповом уровне. Выживали так — семья-друзья. И вот эта структура идентичности с 1990-х годов по сегодняшний день воспроизводится в каждом поколении молодежи, это показали и наши замеры, которые мы делали в девяностые, нулевые, и сейчас — сохраняется ровно такая же ситуация. Близкие друзья — семья — любимый человек.

Кого старшее поколение хочет видеть в младшем: «себе подобных» или «себе послушных»? Говоря здесь о старшем поколении, мы имеем в виду не только людей старших по возрасту, но и старших по положению: представителей власти, руководителей различных организаций, объединений и т.д. А сейчас от людей, которые управляют, вряд ли можно ждать желания, чтобы молодежь выросла им подобная. Нынешняя молодежь оказалась в обществе, которому присуще сильное социальное расслоение. Как она на это реагирует? Что отмечают социологи?

Я бы воздержалась говорить, что власти хотят видеть себе подобных, и что они вообще кого-то целенаправленно формируют. Систематическое целенаправленное воспитание молодежи у нас давно в прошлом, а отдельные, спорадические акции прямого воздействия, хоть и пугают, но не всех и не в равной мере. А вот послушных — да, пожалуй.

Увы, габитус не только у народа, но и у власти, какой сформирован, таким она и пользуется, какой опыт имеет, такой и транслирует. Когда меня приглашают к обсуждению каких-либо докумен-

тов, каждый раз с удивлением обнаруживаю, что их тексты, будто бы, написаны в восьмидесятые годы.

То есть тот прежний габитус взаимодействия с молодежью пока никак не преодолевается: молодежь — это объект, на который надлежит воздействовать, к чему сама молодежь должна отнестись с энтузиазмом.

По поводу второго вопроса — о социальном расслоении и об отношении к этому молодежи. Здесь всё зависит от конкретных условий жизни. Есть два пласта сознания: базовый, который связан со смысложизненным представлением о том, как в идеале должно быть. Здесь у нас ценность социальной справедливости очень прочно занимает главенствующие позиции. А социальная справедливость во многом связана со сбалансированной моделью распределения доходов, я не говорю об уравнивании. Они возмущены тем, что есть, но не знают, как это изменить. Они реагируют на несправедливое распределение благ в обществе. И это — наша ментальная черта.

А теперь посмотрим на ситуационном уровне, ведь многое нивелируется конкретными успехами того или иного молодого человека, а также его ресурсами. Если у него в жизни более или менее всё хорошо, он никак не реагирует. Просто, не заморачивается на этот счёт, это не в его картине мира, не в тезаурусе.

Если собственная жизненная ситуация как-то подламывается, он начинает анализировать своё положение и положение своих родителей с социальных и экономических позиций, рассматривать это через призму социальной справедливости. И это выскочит, непременно выскочит, как оптика, через которую он будет смотреть на эти вещи. Поэтому я совершенно не удивлена тому, что произошло в марте 2017 года.

Мы проводили исследования по молодежному экстремизму. Так вот, вектор ненависти направлен не на представителей другого этноса, как это многие пытались утверждать. Ничего подобного. Это была ненависть против богатых и против чиновников. Да, национальный фактор присутствует, но в сравнении с тем, как они ненавидят эту группу, всё остальное — детский сад.

Досуг молодёжи: общение с друзьями, интернет, хождение по магазинам и прочее — всё это такое пассивное времяпрепровождение. То есть получается, что всё это исключает изучение серьёзной прессы. Что может сделать пресса, чтобы быть нужной молодёжной аудитории?

Ну, во-первых, я бы здесь шире рассматривала: это вопрос диалога с молодёжью. Еще возникают, например, вопросы: что может сделать работодатель, чтобы привлечь молодёжь? Что может сделать власть, чтобы навести мосты? Что может сделать пресса? То есть речь идёт о том, как выстраивать взаимоотношения между социальными институтами и молодёжью как группой.

Главным является доверие. Оно возникает в том случае, если молодёжь видит в прессе, бизнесе, власти надежного партнера. Если в ходе взаимодействия у молодых людей получится решить свои жизненные задачи.

Пресса — это медиатор, посредник между разными группами. Молодёжь в таком посреднике очень нуждается. Но эффективность его будет зависеть от того, насколько пресса уловит ожидания разных групп молодёжи. Молодёжь будет заинтересована в прессе, если увидит в ней отражение собственной жизни. А пока этого не произошло, зададим себе вопрос — зачем им пресса в её нынешнем виде? Что они могут из нее почерпнуть, чего не узнают из других источников?

Есть ли у вас некое понимание того, куда движется общество? Что проявится более ярко, что будет уходить?

По моим ощущениям, будет и дальше сохраняться и в каких-то случаях, наверное, нарастать, обострятся противоречия между традиционным и современным. Это то, что наметилось, эти полюса традиционного и современного будут всё дальше и дальше уходить друг от друга, и отношения между носителями этих смыслов будут всё более и более антагонистичными.

Очень интересные процессы происходят в связи с этими в межличностном отношении: как делится свой-чужой. Кто свои, а кто чужие? Свои, по сово-

купности характеристик, это те, кто придерживается смысложизненных ценностей характерных для традиционной русской культуры. А чужой, это все те, кто в себе обнаруживает какие-то западные черты — индивидуализм, прагматизм, независимость. Может быть, и совсем неплохие качества, но народу они не близки.

Непонимание и неприятие будет нарастать до тех пор, не вырастит поколение, в сознании которого уживутся разные образцы, и они не будут политизированы. Пока власть не начнет работать и отвечать на с разные противоречивые запросы, понимая, что общество такое — в нём одновременно уживаются очень разные смыслы, пока не станет понятно, что традиционные ценности не являются препятствием для экономического прогресса, а современные не гарантируют его успешности.

Следующая тенденция заключается в изменении механизмов коммуникации. То, что характерно для сетевых взаимодействий, такое обострённое неприятие, скандальность, конфронтация. Это всё сегодня перешагивает порог online-коммуникаций и выходит в offline.

Учитывая, что у нас толерантность прививается очень сложно и, что наименее терпимое поколение от 30 до 40, а они ещё лет двадцать будут очень активны, мы не можем рассчитывать на то, что у нас будет примирение различных точек зрения, а дискуссия войдет в конструктивное русло. В этой связи я снова подчеркиваю потенциальную роль прессы, которая может отрегулировать этот процесс, направив его в конструктивное русло. Сохранится, на мой взгляд, так называемая деструкция нормативности, когда общество не будет связано общими нормами и будет стремление не связывать себя никакими жесткими границами. Но на этом фоне будут возникать группы, которым неуютно в этой неопределенности. Уже сейчас мы наблюдаем потребность выстроить внятную систему смыслов.

В матрице отношения к власти будут и дальше конкурировать сакральные и правовые составляющие. Одни продолжают считать, что власть может быть сакральной, другие не согласятся: нет, друзья, если вы уже более двадцати лет навешива-

ли нам на уши что-то о правах человека и о правовом государстве, то будьте любезны сегодня играть именно по этим правилам.

Запрос на правовое государство, как уже я отмечала, в нашем обществе очень силён, как и на независимость судий и на роль Права с большой буквы. Он далее будет только нарастать. В то же время, при нынешнем уровне правового сознания будет воспроизводиться и такое отношение к власти — если власть в главном — справедливая, пусть себе и нарушает какие-то законы. И все же я предполагаю относительно скорое ослабление этой модели.

Продолжится рационализация сознания. Самая рационализированная сфера — это труд. Труд прагматизирован и будет дальше прагматизироваться, не потому, что народ ленивый и не хочет трудиться. И уж тем более не оттого, что у него нет та система ценностей. А потому, что — то безумие, которое творится в области организации жизни: дороговизны, недоступности самых элементарных благ и невозможности заработать на них честным трудом, напрочь рушит трудовую мотивацию. Недооплаченный труд и феномен бедности работающего человека, чего не встретить в развитой экономике, коррупция и высокая стоимость всех услуг — медицинских, образовательных, рекреа-

ционных и пр. входит в противоречие с возможностями удерживать желаемую планку уровня и качества жизни. Все это делает труд бессмысленным и беспощадным. Рациональными становятся ресурсосберегающие («не париться») и имитационные («делать вид») практики.

Отношение к образованию будет плавать, как оно плавало в предыдущие три десятилетия. В нашем менталитете очень высока его значимость, она имеет статусный смысл, идущий от образа просвещения. Те, кто говорят, что не нужно нам так много людей с высшим образованием, вступают на очень опасное поле, входят в противоречие с базовым образом реальности, с менталитетом. Сегодня образование наполовину платное и плохого качества, но недоступность даже такого образования будет очень негативно встречена людьми. А в целом, кривая ценности образования и знаний будет колебаться в зависимости от того, как часто система образования будет поражаться вирусом реформ, от степени неопределенности и частоты смены правил игры.

В области семейных отношений мы остаёмся очень-очень традиционными и, скорее всего, традиционными и будем. Но у нас всё будет меняться за счет женской гендерной группы. Все годы и при советской власти, и последующие она расширяла свои компетенции и эмансипировалась. Ролевая структура женщины всё больше и больше разрасталась, по сравнению с ролевой структурой мужчины. Женщина сбрасывает последние оковы, при том, что остаётся очень чувствительной к традиционным потребностям в семье.

Возраст вступления в брак будет увеличиваться, возраст рождения детей тоже. «Жизнь соло» постепенно перестанет быть маргинальной практикой. Решению бытовых проблем способствуют современные технологии, компенсации одиночества — социальные сети.

Но это сюжеты для большого города. В целом же семья сохранится, но усилит свое значение как источника не только экономической опоры, но и моральной. Поэтому критерием ее качества и мериллом семейного счастья, скорее всего, будет ощущение психологического комфорта. &